

ВОИНСТВУЮЩАЯ МОЛОДОСТЬ

ИМЕННО таким представляется сценический образ артиста Черниговского музыкально-драматического театра имени Т. Г. Шевченко Анатолия Гурского. «Перспективный актер», — говорят о нем в коллективе. А черниговские мальчишки при встрече приветствуют его... так, как это могут придумать только мальчишки, чтобы лишний раз подчеркнуть свое дружеское расположение. Давайте же и мы с вами по-нашему, по-уральски поприветствуем интересного артиста, нашего гостя.

Роли у Гурского трудные, из тех, что на театральном языке называют красивым, но не ярким цветом — одним цветом. А артист их любит, упрямо и необъяснимо любит, так же, как любит театр. Когда, как это началось? Гурскому пришлось признаваться в этом года два назад. Однажды в театре произошло чрезвычайное происшествие: потребовалось срочно подготовить нового исполнителя роли капитана Скворцова для спектакля «Шельменко-денщик». В такой критической обстановке и выяснилось вдруг, что Гурский играл уже эту роль и с успехом, хотя и было это лет десять назад, в школьном самодеятельном спектакле. Тогда ему впервые сказали, что он — «перспективный».

Думается только, что качество это заключено не столько в превосходных внешних данных, которые природа в данном случае отвалила без лишней расчетливости, а в целеустремленном характере, гибком, вдумчивом уме, настойчивости, трудолюбии. Вель в каждой новой роли нужно разобрать, прочистить и снова собрать большую, сложную жизнь. И чтобы все было на месте, и чтобы ничего не потерялось. Это трудно, особенно в раннюю пору творчества, когда еще нет уверенного мастерства, когда недостает красок, когда еще очень часто не находится личных переживаний, помогающих понятно, по-человечески объяснить то, что происходит с героем.

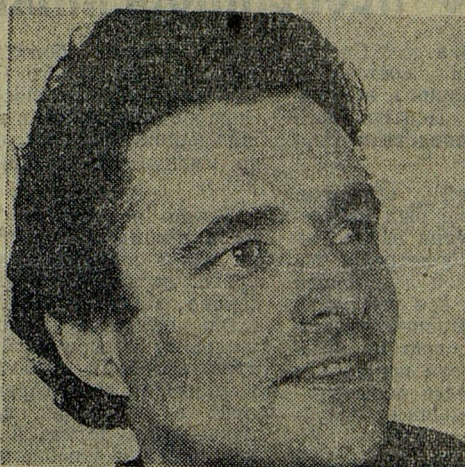
После первой удачной роли пришла долгая, всепоглощающая мечта о новой, неукротимое стремление воплотить на сцене образ героя книги Войнич — Артура Овода. А потом — потом Гурский почему-то даже не сомневался, что псадет в театральный институт. Правда, ехать в Киев сдавать экзамены

пришлось по секрету от родных... Конечно, нехорошо так проводить старших, но... призвание есть призвание.

Вот так все и началось. А сейчас Гурский уже четыре года работает в театре. Его искусство — мужественное, энергичное, волевое, сливается с какой-то неосознанной юношеской просветленностью, впечатлительностью, органическим чувством поэзии, правды и красоты в окружающей жизни.

Свердловчане видели Гурского в трех спектаклях. Все три относятся к традиционному украинскому классическому репертуару, все три получились у артиста важными и, можно сказать, что решаются они тоже разными приемами.

Роль Бориса Воронова в спектакле «Пока солнце взойдет, роса очи выест» отличается даже чисто внешними приметам. В

ней слабее национальный колорит, свойственный двум другим образам Гурского. Кроме того, сам характер Бориса не совпадает с личным творческим складом артиста. (Здесь хочется заметить, что давняя мечта Гурского об Оводе где-то совершенно точно совпала с внутренним ощущением своих творческих особенностей). Гурскому-актеру не свойственна мягкость, лиричность. Какая-то тайная застенчивость мешает ему в полный голос говорить со сцены о чувствах. В этом смысле его творческую манеру следует назвать очень сдержанной. А Борис Воронов — мягок, лиричен, даже безволен. Наверное, потому этот образ у Гурского получился противоречивым, непонятным, не вполне логичным.

В другом спектакле театра — «Цыган Аза» — Гурский играет горячего, мятежного, сильного до суровости цыгана Василия. И, конечно, что Гурский собственной инициативе добился назначения на эту роль, преодолев давнишнюю привязку режиссоров, видеть в роле Василия актеров совершенно другой внешней фактуры).

В этой работе главной краской, что ли, артиста становится движение. Василь сделан почти скульптурно. Гурский прекрасно чувствует позу, ощущает стремительный ритм характера. Для него словно важна и притягательна эта пластическая яркость его героического и большее он говорит языком жеста. Отсюда впечатление некоторой поверхностности образа, его чисто внешне-эффектности. Но в целом работа привлекательна, поучительна.

Третья роль — молодой цыган Гриц в пьесе «Девушка, счастье искала» — удивительно милый, поэтический образ, пронизанный светом неистребимой чистоты, порывистой прелести молодости, свободолубия, мальчишеской строптивости, задора, огня. И в то же время это страстный, беспокойный, мятущийся дух. Вспомнившееся старинное русское сравнение: молодец — ясен сокол. Эту роль Гурский играет легко, полномерно, жизнеутверждающе, часто пользуясь элементами комического характерного.

О Гурском, как об актере, действительно подающем немалые надежды, говорят и другие интересные его работы, не известные свердловчанам. Но одного этого мало. Необходимо еще огромная работа, необходимо богатое знание жизни, а главное — умная и внимательная режиссерская рука, способная превратить этот чуткий, своеобразный материал в радостное явление искусства.

Т. ГОЛЯДИНА.

Фото К. Козлова.

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

25 июля 1965 г.

3 стр.